

- ³³ Там само. – С. 34.
³⁴ ДАСО. – Ф. 365, оп. 2, спр. 49, арк. 1-3.
³⁵ Там само. – Оп. 1, спр. 140, арк. 108-109.
³⁶ Там само. – Спр. 206, арк. 1.
³⁷ Там само. – Спр. 821, арк. 1.
³⁸ Там само. – Арк. 2.
³⁹ Там само. – Арк. 9.
⁴⁰ Там само.
⁴¹ Там само. – Арк. 3.
⁴² Там само. – Арк. 9.
⁴³ Там само.
⁴⁴ Там само. – Арк. 3.
⁴⁵ Там само. – Спр. 354, арк. 99.
⁴⁶ Там само. – Спр. 480, арк. 110.
⁴⁷ Там само. – Спр. 1132, арк. 65.
⁴⁸ Там само.
⁴⁹ Там само.
⁴⁰ Там само.
⁴¹ Там само. – Спр. 480, арк. 54.

Надійшла до редколегії 14.07.2007

Д.Ю.Мешков

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

У статті на основі архівних джерел розглядається вплив подій Кримської війни на становище німецьких колоністів Причорномор'я. Досліджуються наслідки цієї війни для колоністів. Показані причини конфліктів між колоністами та властями в той період, які пов'язані з тягарем військового часу.

Оказание помощи колонистами войскам в годы Крымской войны традиционно представлено в литературе как пример положительного сотрудничества иностранных переселенцев и российского государства и подтверждение их лояльности. Часто цитируемое верноподдани-

ческое стихотворение Генриха Гизе¹, написанное под впечатлением всеобщего подъема патриотических чувств в начале войны, хорошо сочетается с данными о количестве размещенных в колониях раненых, предоставленного в распоряжение гужевого транспорта и о награждении 57 колонистов и меннонитов Таврической и Херсонской губерний по окончании войны медалями и памятными подарками². Поскольку повинностями колонистов и меннонитов в военное время заведовал особый чиновник Попечительного Комитета, в архивных документах сохранилось большое количество подобных сведений. В фондах окружных и сельских приказов можно также обнаружить сведения о суммах собранных денежных пожертвований.

Навстречу мирному населению, массово покидавшему прибрежные районы Крыма и Приазовья в направлении внутренних районов Крыма и северных уездов Таврической губернии, с начала 1854 г. на юг через немецкие колонии Мелитопольского и Бердянского уездов двигались воинские части. Наряду с предоставлением в распоряжение военных транспортных средств и фуража колонисты принимали участие в строительстве мостов и устройстве переправ. Только в январе 1854 г. молочанские колонисты предоставили в распоряжение армии 1000 лошадей с подводами и до 200 четвертей овса для корма. В марте, когда начались разливы рек, меннониты принимали участие в устройстве переправ через реки Ташенак и Юшанлы³.

Колонистские повозки, просторные и удобные, особенно хорошо подходили для перевозки раненых. Очевидно, воинское начальство предпочитало именно их. В начале 1855 г. из нанятых у колонистов за 5000 руб. 350 подвод был сформирован особый подвижной постоянный транспорт, предназначенный для перевозки раненых из Симферополя в Херсон. Эти усилия не остались незамеченными. Вслед за губернатором Жуковским, который выразил смотрителю молочанских колоний и всем колонистам губернии «душевную благодарность за постоянное усердие и полезные услуги правительству» и который уверял, что «... по чувствам справедливости колонисты, отличившиеся в Крыму своею преданностью и содействием по военным обстоятельствам, всегда найдут в нем самого ревностного ходатая пред высшим начальством», последовала письменная благодарность от генерал-интенданта Затлера. В своей грамоте населению Таврической губернии от 26.8.1856 г. император, обращаясь к жителям губернии, писал: «... вы – коренные русские, а вместе с вами и юные поселенцы иного племени...»⁴

Для того чтобы лучше представить, насколько велика была нагрузка на поселения колонистов, находившихся в тылу, приведем сведения по колонии Александергильф, население которой к моменту начала войны составляло около 800 чел. За период с начала 1853 и по май 1856 гг. через колонию проследовало маршем 6500 военных, рекрутов, казаков, из числа которых квартировало в колонии в 1853 г. 510 чел. общей длительностью 165 дней, в 1854 г. – 262 чел. 71 день, в 1855 г. 40 чел. в течение 190 дней и в течение первых пяти месяцев 1856 г. еще 980 чел. всего на протяжении 194 дней⁵. В мае 1855 г. в колонии Маннгейм, например, в каждом из 115 колонистских домов помещалось от 25 до 60 человек солдат, а сами хозяева с семьями своими большею частью принуждены были помещаться на чердаках⁶. Поэтому не удивительно, что с течением времени идиллическая картина, изображенная губернатором Пестелем 12 мая 1854 г., когда «...жители всех мест, через которые проходили войска, забыв различное свое происхождение, слились в одну русскую семью для встречи, прохода и угощения войск. Дворянство, купечество, граждане, государственные крестьяне, русские, ногайцы, колонисты-немцы побеждали друг друга избытком радушия и готовности содействовать к удобнейшему следованию войск...», стала заметно меняться⁷. Отношения местного населения с тыловыми частями складывались далеко не всегда гладко. И если сначала насилия военных были направлены главным образом против татар⁸, то постепенно возникали проблемы во взаимоотношениях военных властей в том числе и с немецкими колонистами и меннонитами. Нередко колонистам приходилось с горечью убеждаться, что их помощь или пожертвования не достигает цели из-за плохой организации работы тыла.

В декабре 1855 г. общество колонии Александергильф ответило отказом на требование командира квартировавшей в колонии роты Люблинского егерского полка о предоставлении в распоряжение солдат пяти печей для заготовки сухарей перед маршем⁹. Денщик командира 12-й роты Модлинского пехотного полка явился пьяным на свою квартиру в колонии Александергильф в дом Адама Кайзера и подрался с ним, после чего подстрелил три курицы. Требования сельского приказа о возмещении ущерба оставались долгое время без ответа, а шульц колонии Майер, пытавшийся защитить колонистов, был избит солдатами. Поступали также жалобы от колонистов на порчу садов и воровство¹⁰.

Военное командование далеко не всегда считалось с наличием ресурсов в колониях, тем более что на общем фоне они выделялись

более высоким уровнем благосостояния. 6 ноября 1854 г. вместо 132 больных солдат, намеченных по согласованию между губернатором и смотрителем колоний 2-го колонистского округа на размещение в молочанских колониях (из предложенного колонистскими обществами расчета 1 больной на 100 колонистов мужского пола) в колонии было прислано более чем в 10 раз больше – 1500 человек, а меннонитам и колонистам ничего не оставалось делать, как разместить их в колониях и принять на попечение и продовольствие. Колонисту Фейну, предложившему устроить жилье, кухню и медицинское обеспечение для 250 выздоравливавших солдат в его имении в Днепровском уезде, пришлось иметь дело с 950 больными и ранеными солдатами. После последовавших неоднократных жалоб гражданским властям со стороны воинского начальства к нему были применены угрозы, и Фейн вынужден был уехать в Одессу¹¹.

В 1856 г. колонисты Екатеринославской губернии (колонии находились у больших дорог), а также двух Мариупольских и Бердянского округов были крайне истощены и не могли выставлять требуемое количество повозок для транспортировки сена, так как в течение осени и зимы 1855-1856 гг. каждый из них уже отбыл по четыре наряда по перевозке сена в Симферополь¹². Еще ранее – летом 1855 г. – колонисты колонии Мангейм высказывали недовольство бесконечными требованиями воинских частей. Новороссийский генерал-губернатор поручил проверить поступившие к нему сведения о том, что в этой колонии войска терпели недостаток воды, а колонисты-католики «... ропщут на военный постой и исполняют справедливые требования воинских чинов неохотно, тогда как в немецких колониях Бессарабской области у колонистов-лютеран наши принимаются всегда с радушием»¹³. По информации, поступившей на имя генерал-губернатора, причиной этого недовольства среди колонистов стала якобы антироссийская агитация, распространявшаяся католическими священниками, которые все без исключения были выходцами из Польши. Пасторы якобы утверждали, что в результате войны Новороссийский край отойдет от России, поэтому колонисты отказывались принимать кредитные билеты за нанимаемый транспорт и лошадей¹⁴.

Проверка, проведенная чиновником особых поручений Сухиновым, однако, показала, что эта информация не соответствовала действительности. Что же касается недовольства колонистов, Сухинов сообщал, что «... мангеймские колонисты считают действительно себя более отягощенными постоями и подводной повинностью, так как

колония их находится на Одесско-Тираспольском тракте, по которому с начала войны непрерывно двигаются войска, команды и разные транспорты...»¹⁵. По приказанию начальства Сухинов объехал все католические немецкие колонии Херсонской губернии – Кучурганского и Березанского, а также католические Либентальского округов.

Особое внимание его было сосредоточено на деятельности католических священников¹⁶. Дела о враждебном отношении католических священников возбуждались и до Крымской войны, например, по инициативе жандармского полковника Ожигова, обвинявшего херсонского ксендза Шимановского в проповедях о превосходстве католичества над православием¹⁷. Сведения о распространении пасторами слухов о скором поражении России в войне не подтвердились, другие колонии не были так отягощены постоями, как Мангейм, однако шульц Кляйн-Либенталя Юзеф Гаф представил жалобу на военные команды, которые в целях экономии денег старались нанимать меньше подвод, чем требовалось, или платили за несколько прогонов как за один. «Все требования военных чинов колонисты Березанского округа, сколько мог я узнать, исполняли всегда даже с излишеством...»¹⁸

Повышенный интерес власти к деятельности и настроениям католических пасторов – выходцев из Польши – во время Крымской войны можно объяснить еще и тем фактом, что правительству, безусловно, было известно о деятельности выдающегося польского поэта и общественного деятеля Адама Мицкевича по созданию в Константинополе польского легиона. Он должен был состоять из оказавшихся в эмиграции после Ноябрьского восстания поляков, сражаться на стороне Турции против России и после поражения последней освободить Польшу и провозгласить независимое Польское государство. Лишь смерть Мицкевича от холеры в 1855 г. помешала осуществлению этого замысла¹⁹.

Между тем, сам Сухинов вынужден был констатировать, что в условиях плохого урожая хлеба в течение двух лет подряд, немецкие колонисты все более начинают тяготиться постоями большого количества солдат. И хотя «... быт немецких колонистов, за весьма малым разве исключением, вовсе еще не в такой степени, чтобы они слишком затруднялись в потребностях жизни...», недовольство это порой приводило к столкновениям колонистов и солдат²⁰. Так, 9 сентября в колонии Березанского округа Карлсруэ произошла «довольно серьезная драка» колонистов с солдатами. В столкновении, очевидно, принимали участие большинство жителей колонии²¹.

Осенью 1855 г. Сухинов вынужден был по приказу начальства вновь объезжать немецкие колонии. На этот раз, как значилось в письме генерал-губернатора Строганова, до императора дошли «сведения о нерасположении к нам немецких колонистов», при этом речь шла о конкретном случае подстрекательства католическими пасторами колонистов колонии Ново-Петровка к открытым проявлениям недовольства. В приказе военного министра Строганову было предписано «устранить вредное влияние духовенства на иностранное народонаселение»²². Сухинову, объехавшему колонии Одесского, Тираспольского и Ананьевского уездов, не только не удалось найти пастора, подстрекавшего колонистов к неподчинению. Что же касалось вообще настроения в колониях в это время, то его мнение с момента первой поездки по колониям заметно изменилось: «... есть некоторые основания полагать, что отношение их [колонистов и пасторов к исполнению повинностей. – Д.М.] не весьма благоприятны: ... многие колонисты и отчасти даже старшины их начали не скрывать мнения своего в том, что в настоящее время колонисты более других сословий отягощены постоем, требованием подвод и прочими натуральными повинностями. Пасторы их, в особенности раштадтский и касельский, разделяют их мнение и таким образом вместо успокоения колонистов, так сказать, утверждают между колонистами ропот и нерасположение...»²³

На основании всей информации, собранной в колониях, херсонский губернатор пришел однако к выводу, что никакой враждебности по отношению к государству замечено не было, существовала, однако, необходимость более внимательно отбирать пасторов на должности²⁴.

Истощение колоний сказывалось и на обслуживании находящихся на квартирах или на лечении солдат²⁵. Присланный еще в конце 1854 г. из Санкт-Петербурга для инспекции госпиталей в южных колониях флигель-адъютант гвардии ротмистр князь Крапоткин, обнаружил, что больные во многих колониях, например в колонии Нейгофнунг, терпели «много лишений»²⁶.

Разбирательства по поводу жалоб немецких колонистов продолжались еще некоторое время после окончания военных действий. По представлению смотрителя крымских колоний Остен-Сакена Попечительный Комитет после безрезультатных обращений в Феодосийский уездный суд подал жалобу начальнику Таврической губернии на притеснения и убытки, причиненные колонистам воинскими чинами. Производилось также следствие «о нанесенных обидах и

причиненных убытках» жителям крымских колоний 11-12 июля 1856 г.²⁷

Все материальные затраты колонистов и меннонитов, а также их готовность защищать свои имущественные права даже в условиях военного времени не остались без вознаграждения. В июне 1856 г. населению Новороссийского края оказана была высочайшая милость, а именно «пожаловано было в пособие безвозмездно все оставшееся число лошадей и обозов, назначенного к расформированию 6 конных полубригад подвижного провиантского магазина». Всего военное ведомство передало 11 тысяч лошадей и 3500 повозок. До распределения этого имущества между жителями края оно передавалось временно на сбережение немецким колонистам Таврической губернии, «отличающимся порядколюбием, добросовестностию и имеющим к исполнению сего самые значительные против всех других сословий материальные средства». Из этого имущества немецкие колонисты Крыма и северных уездов Таврической губернии получили 1200 лошадей со сбруею и 300 повозок со всеми принадлежностями²⁸.

Одним из главных последствий Крымской войны, сыгравшим важную роль в дальнейшей жизни колоний, стала эмиграция татарского и ногайского населения с Кавказа и с территории Таврической губернии. По оценкам различных авторов, количество ушедших в Турцию составило 200-250 тысяч человек, обширные площади по соседству с колониями Таврической губернии, страдавшими от недостатка земли, пустовали²⁹. По высочайше утвержденному 28 марта 1869 г. Положению Комитета министров, разрешалось водворение меннонитов и других поселенцев на свободных казенных землях при условии, что меннониты обязались в течение 10 лет устроить хозяйства по образцу их хозяйств в северных уездах Таврической губернии. В молочанских колониях была создана специальная комиссия из членов колонистского и меннонитского окружных приказов и комиссии сельского хозяйства под руководством Ф.Вибе, члены которой осмотрели предложенные МГИ к поселению 23 тысячи десятин земли и признали переселение безземельных колонистов возможным.

Другим последствием Крымской войны следует признать активизацию усилий государства по обучению в Саратовской семинарии католических патеров из числа колонистской молодежи, которые должны были заменить патеров – выходцев из польских губерний, в лояльности которых у власти были, видимо, небезосновательные сомнения³⁰.

На смену патриотическим настроениям в начале войны, которым были охвачены также и некоторые жители колоний, пришли тяжкие военные будни. Ход войны порождал в среде военного командования недоверие ко всему чужому в тылу. После принудительных переселений татар, усилилось недоверие к католическому населению, заметная часть которого жила в немецких колониях. Оно выразилось в появлении информации о неблагонадежности немецких колонистов-католиков и в нежелании оказывать помощь войскам. При этом указывалось на роль католических священников, большинство которых были выходцами из польских губерний. В ходе проверки гражданскими властями эти факты, как правило, не находили подтверждения.

В течение первых лет войны материальные резервы в колониях были исчерпаны, обстановка усложнялась плохими урожаями и эпидемиями, принесенными квартировавшими войсками. В этой обстановке колонисты искали всякую возможность уменьшить нагрузку на их хозяйства со стороны армии, что естественно неизбежно вело к возникновению конфликтов.

Примечания

¹ *Friesen, P.M.* Die alt-evangelische mennonitische Gemeinschaft in Russland (1789-1910) / P.M.Friesen. – Halbstadt, 1911. – S. 79; *Brandes, D.* Einwanderung und Entwicklung der Kolonien / Detlef Brandes // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland / hrg. von Gerd Stricker. – Berlin, 1997. – S. 103.

² *Список* государственным крестьянам Таврической губернии и иностранным поселенцам Южного края России, коим всемилостивейше пожалованы награды за усердие в выполнении надобностей военного времени // Журнал министерства государственных имуществ. – 1856. – Часть LX. – С. 58-59; *Brandes, D.* Einwanderung und Entwicklung der Kolonien. – S. 42-43.

³ *Маркевич, А.* Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам / Арсений Маркевич // Известия Таврической ученой комиссии. – Симф., 1905. – № 37 (год 19-й). – С. 6, 8, 9.

⁴ Там же. – С. 77-79, 174, 257-258.

⁵ *Государственный архив Одесской области.* – Ф. 61, оп. 1, д. 523, л. 59-60. – Далее: ГАОО.

⁶ *Государственный архив Херсонской области.* – Ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 5-6 об. – Далее: ГАХО.

⁷ Там же. – Л. 9-10.

⁸ *Маркевич, А.* Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. – С. 28.

⁹ ГАОО. – Ф. 61, оп. 1, д. 523, л. 1-1 об.

- ¹⁰ Там же. – Л. 25-29.
- ¹¹ Там же. – Л. 42, 64.
- ¹² *Маркевич, А.* Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. – С. 174.
- ¹³ *ГАОО.* – Ф. 1, оп. 203 (1855 г.), д. 38, л. 5 об.
- ¹⁴ *ГАХО.* – Ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 1-3.
- ¹⁵ Там же. – Л. 5-6 об.
- ¹⁶ Там же. – Л. 7-12.
- ¹⁷ Там же. – Д. 5, л. 1-6.
- ¹⁸ Там же. – Д. 29, л. 11 об.
- ¹⁹ *Gill, A.* Freiheitskämpfe der Polen im 19. Jahrhundert. Erhebungen – Aufstände – Revolutionen / Arnon Gill. – Frankfurt a. M., 1997. – S. 108.
- ²⁰ *ГАХО.* – Ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 12.
- ²¹ Там же. – Л. 19.
- ²² Там же. – Л. 14.
- ²³ Там же. – Л. 21-24.
- ²⁴ Там же. – Л. 26.
- ²⁵ *Маркевич, А.* Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. – С. 76.
- ²⁶ Там же. – С. 59, 62.
- ²⁷ *Центральный Государственный Архив Республики Крым.* – Ф. 26, оп. 1, д. 22426, л. 1-1 об; Ф. 6, оп. 1, д. 22800, л. 4.
- ²⁸ *Маркевич, А.* Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. – С. 234-235.
- ²⁹ *Brandes, D.* Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurußland und Bessarabien 1751-1914 / Detlef Brandes. – München, 1993. – S. 138.
- ³⁰ *ГАОО.* – Ф. 1, оп. 203 (1855 г.), д. 38.

Надійшла до редколегії 12.03.2007